

В конце концов, он хорошо понимал свое положение: он был пленником, чья жизнь и смерть находились в руках других. Если этому черному обезьяну захочется, он может сделать из него жаркое, и сопротивляться будет бесполезно.

Но на самом деле все оказалось иначе. А-Да заставил его вынести одеяло и постелить его на другой стороне кровати. Затем он похлопал по кровати, приглашая брата Цуна лечь.

В ту ночь они странно спали вместе, каждый под своим одеялом.

Брат Цун не хотел много говорить, но любопытство взяло верх, и он спросил:

— Это ваша традиция? Это что-то вроде «общественных палочек»?

А-Да удивился:

— Каких общественных палочек?

Брат Цун указал на одеяло А-Да, затем на свое. А-Да с недоумением взглянул на него и вдруг засмеялся.

— У меня нога ранена, как я могу? Если ты не против, сам садись.

Брат Цун поспешно ответил:

— Нет-нет-нет, я запомню эту милость на полжизни. Если завтра вечером ты тоже не тронешь меня, я запомню это еще на десять лет. Если ты вообще не будешь меня трогать, я, черт возьми, благословлю тебя от имени всех моих предков.

Брат Цун почувствовал, что это шанс наладить отношения. По крайней мере, он мог попробовать поговорить с А-Да. Хотя этих людей называли обезьянами Кушань, А-Да, казалось, был более человечным. Возможно, если они найдут общий язык, брат Цун сможет как-то сохранить свою честь.

Но А-Да спокойно посмотрел на него и покачал головой, твердо заявив:

— Нет. Если я не трону тебя, мы тебя уьем.

Брат Цун был потрясен:

— Почему?

— Потому что ты пленник. Пленник, от которого нельзя получить информацию, — это пустая трата еды, — серьезно объяснил А-Да.

— Тогда... — брат Цун удивился, — если ты меня используешь, я потеряю столько энергии и белка, я буду есть по три миски за раз, разве это не большая трата еды?

— Нет. Если ты станешь моим названным братом, они не смогут тебя тронуть, — сказал А-Да.
— Я содержу названных братьев, это естественно.

— Это... — брат Цун никак не мог понять, что в этом естественного.

На его родине отношения между двумя мужчинами были немыслимы. Не то чтобы их не было, но они скрывались, маскировались, обманывали и даже обманывали сами себя.

Он думал, что это было связано с консервативностью местных нравов, что недостаток открытости не позволял принимать такие передовые отношения, как в других обществах.

Но он не ожидал, что в таком отсталом месте, как Кушань, будут совершенно другие обычаи.

Он сглотнул и спросил:

— А А-Янь? Если я буду делать то же, что и он, я... я буду разносить чай и воду, я...

— А-Янь тоже должен найти кого-то, кто возьмет его под опеку, — сказал А-Да. — Сейчас он разносит чай и воду временно. Когда закончится Праздник Саламандры, если никто не захочет его взять, его убьют.

У брата Цуна сердце ёкнуло.

На несколько секунд воцарилась неловкая тишина, но затем А-Да вдруг спросил с подозрением:

— Откуда ты знаешь, что твой секретарь разносит чай и воду?

Брат Цун понял, что проговорился, поэтому сделал вид, что не понял грубого диалекта А-Да, и молча повернулся, чтобы лечь спать.

А-Да не стал настаивать, завернулся в одеяло и закрыл глаза.

Этой ночью брат Цун спал удивительно крепко и даже увидел сон.

Во сне он и А-Янь приехали к городской стене. Вокруг никого не было, ворота были закрыты. Но, подняв голову, он увидел, что на стене стоят куклы в театральных костюмах.

Говорят, что во сне погоду не разглядеть, но брат Цун четко знал, что это был пасмурный день. Небо было затянуто тучами, словно в любой момент мог хлынуть ливень.

Он смотрел на кукол. Их костюмы были яркими, лица разрисованы, что резко контрастировало с серым фоном.

Он хотел что-то сказать, но вдруг куклы одновременно двинулись, все разом повернувшись к нему.

Он испугался и понял, что это не куклы, а настоящие люди.

Они с А-Янем вошли в городские ворота, затем поднялись на небольшую башню. На вершине кто-то пел, нараспев, на местном наречии, которое он не понимал.

Он схватил одного из людей и спросил:

— Что они поют? Я хочу посмотреть текст, иначе я не смогу оценить.

Тот человек отвел его в коридор, в конце которого была узкая щель. Чтобы пройти, нужно было повернуться боком. Человек протиснулся первым, а брат Цун последовал за ним.

С трудом пройдя через щель, он обнаружил, что за ней скрывается целый мир.

Это был обычный дом, интерьер которого напоминал его родной. Человек вошел в кабинет,

чтобы взять текст, а когда вышел, смысл макияж, и оказалось, что это А-Да.

А-Да поднял руку с татуировкой саламандры и протянул ему текст:

— Ты сказал, что не понимаешь, но ты ведь можешь прочитать?

Брат Цун растерянно взял текст, но на страницах не было ни единого слова. Он поднял голову, хотел вернуться через щель, но, похоже, она сузилась. Как бы он ни старался, он не мог протиснуться обратно.

Он обернулся к А-Да и с яростью сказал:

— Ты держишь меня взаперти, ты чудовище, пожирающее людей!

Но А-Да оставался спокойным и ответил:

— Нет, это вы, пожирающие людей. Посмотри на скелеты на стене, это души, которых вы съели.

Брат Цун сказал:

— Я не вижу скелетов, я вижу только вас, этих чудовищ в странных костюмах.

А-Да сказал:

— Это вы слепы.

Брат Цун хотел что-то ответить, но вдруг почувствовал, как кто-то резко дернул его за руку.

Он испугался и сразу же открыл глаза.

Он все еще лежал на кровати, а А-Да уже встал, опираясь на костыль.

Сейчас А-Да сидел за единственным столом в комнате и пил чай. Услышав движение брата Цуна, он повернулся и постучал по столу:

— Проснулся? Тогда поешь.

Брат Цун пришел в себя и медленно поднялся с кровати.

Он спустил ноги на пол и вдруг почувствовал, что шаги стали легче, чем в предыдущие дни. Он хотел подумать, что, возможно, молодость и сила помогли ему быстрее восстановиться, но, подняв голову, увидел кучу цепей в углу.

Он посмотрел на свои руки и ноги и с удивлением обнаружил, что оковы сняты.

— Ты не сбежишь, не обольщайся, — А-Да заметил радость на лице брата Цуна и строго заявил.

— Я просто беру тебя как названного брата на кровавое жертвоприношение. Вечером тебя снова закуют.

Брат Цун подумал, что А-Да действительно не умеет общаться. Его только что охватила радость, а А-Да тут же окатил его холодной водой. Это было как начать зевать и не закончить, оставив ощущение неудовлетворенности и тяжести в груди.

Он молча подошел к столу, посмотрел на две лепешки и миску каши, и сглотнул.

Человек в соломенной накидке пришел сразу после того, как брат Цун съел две лепешки. И именно тогда он узнал, что этого человека зовут Ворон.

Ворон не особо осторожничал с братом Цуном, возможно, считая, что тот не понимает местного диалекта, или полагая, что раз брат Цун станет названным братом А-Да, он не сможет ничего сделать. Поэтому он спокойно докладывал при нем.

Когда Ворон не ругался, его речь была более понятной. Его акцент был ближе к тому диалекту, который брат Цун изучал в учебниках, поэтому во время разговора с А-Да он примерно понял, что произошло прошлой ночью.

Деревня А-Да находилась на западе, в деревне Ситоу. Банкет Длинного моста проходил в пяти деревнях: Ситоу, Наньгоу, Бэйпо, Дунлин и Чжунтугао, каждая из которых управлялась самостоятельно.

В ту ночь, похоже, люди А-Да перепили. Несколько молодых парней бродили туда-сюда, хвастаясь и болтая, и с запада добрались до Наньгоу.

Под действием алкоголя и юношеского задора они решили последовать примеру Ворона и Фазана, которые недавно пробрались в военный лагерь и захватили пленников, чтобы похвастаться перед А-Да.

Брат Цун знал, что люди Кушань были воинственными и дикими. Они увеличивали свою доблесть, подсчитывая количество костей добычи, а в нынешней напряженной обстановке между войсками и деревней добычей становились не только животные, но и солдаты, которые готовились войти в Кушань.

Этим молодым парням было всего шестнадцать-семнадцать лет. Они, вероятно, не понимали, как нужно готовиться к нападению, и отправились в одиночку. В результате они не только не захватили пленников, но и привели регулярные войска на тропу, которая вела к заставе деревни Наньгоу.

В деревне Наньгоу тоже устраивали банкет Длинного моста, и на заставе было мало людей. Внезапное появление регулярных войск застало их врасплох.

<http://bllate.org/book/16300/1470096>